

Заметки волонтера Дениса Гуцко «Нацики всегда так», опубликованные в журнале «Знамя» (№ 10, 2022) посвящены началу того, «что в России велено называть СВО» – цитируем автора.

События происходят в марте 2022 года на КПП Весело-Вознесенское Ростовской области. Автор заметок отправляется к ростовской границе с ДНР в обществе двух женщин-волонтеров, одна из которых в дороге жалуется на свою сестру «нацика» из Молдавии.

Умышленно или по недомыслию автор перекладывает неподъемную ответственность определенных политических сил на плечи оболваненных пропагандой обывателей, членов семей, обзывая их «нациками»?

Кроме того, при всех издержках нашего времени, россияне не называют своих родственников даже на Украине, не говоря уж про Молдавию, «нациками», какими бы озлобленными те ни были, потому что «нацики» в их глазах – это «правосеки», «бандеровцы», «киевская хунта» и подобная им публика.

Выбирая название для своего материала, автор обнаруживает стремление не опоздать и отметить в острой теме, затронувшей не только Россию, но и весь мир. Только выбранная им интонация и лексика больше подходит для стендапа. Вызывает отторжение и недоумение манерное использование в авторской речи эпитета «противный» в сцепке всё с тем же

словом «нацики». Тут уж вырисовывается картина маслом: «Уйди, противный нацик, не для тебя цвету!»

Любое историческое или общественное явление, за которым стоит хоть одна человеческая смерть становится трагической страницей современной истории. А на сегодняшний день тема не только не закрыта окончательно, но и стоит ещё более остро, чем год назад.

Раскрывая цель поездки и мотивацию, автор заметок сразу берёт высокий штиль, столь полюбившийся многим российским литераторам, да и не только им: «Двадцать четвертого февраля стало трудно дышать. Усилие на вдох, усилие на выдох. Поэтому я здесь – чтобы дышать». За этими словами маячит «старца великого тень» с его – «Не могу молчать».

Сразу вспомнился, задуманный как анестезийный, вопрос-бумеранг: «Где вы были восемь лет, когда бомбили Донбасс?» Как могли спокойно «дышать» харьковчане и куряне, москвичи и киевляне, когда сотни тысяч их соотечественников и братьев по крови в 2014-м в одночасье превратились в беженцев? А они смогли – жили-были, ели-пили. Это мы к тому, что, когда автор заметок пишет, что «стало трудно дышать», хочется сказать ему в ответ: «об одном прошу тебя: не говори красиво».

Ведя бесконечные внутренние монологи, автор не может добиться точности и чёткости изложения, его мысли сумбурны, тяжёлы и неповоротливы, требуют постоянной докрутки, затяжки, как разболтавшиеся, готовые вывалиться винты и шурупы.

«Прихожу в себя. Наверное, можно так про это сказать: прихожу в себя. Наконец-то. Я больше не в странном фильме, я снова в реальности – в странной, но в реальности, живой и сложной – точнее, сложной, и по наличию этого ключевого признака живой. Вот так вот: является простой человек – в школе на уроках литературы учили называть его маленьким, а тут огромная тётка – и, моментально усложнив, оживляет реальность».

Рефлексирующий главный герой, как енот-полоскун роется лапками у себя в черепе и постоянно достаёт застиранные, оборванные лоскутки разной конфигурации, которые даже на лоскутное одеяло не годятся.

«И не важно, что я начал разговор совсем в другую сторону: «Как мы здесь очутились? Бессмысленная бойня». Все свои, и на правах человека постарше, которому не сложно

поправить, подсказать – так могла бы, например, сводная сестра, или тётка: вот таким тебя помню, ж.у тебе подтирала – Алёна поспешила на помощь: нет, не то, про это вот что надо говорить».

Огромное количество ненужных, не работающих на образы героев деталей, которые воспринимаются как белый шум, сквозь которые приходится ломиться, как сквозь стену.

«Но попробуй уйди в себя. Когда ты только что узнал, что у сидящего рядом человека, вот у этой Алёны в светлой джинсовой куртке – идеальный маникюр, а причёска неудачная, опустевшим гнёздышком, и в чате на аватарке цветов, – что у неё в Кишинёве есть сестра-нацик».

А в Киеве дядька.

И вряд ли такого рода «вишенки на торте» ростовского акына (что вижу – то пою) будут когда-либо представлять интерес даже для самого пытливого читателя: «Алёна уже в фартуке. Кремовый фартук с вишенками в углу». Или: «Кто-то перешёл от одного здания к другому...»

В своё время Лев Толстой взял за правило срывать «маски» со всех и вся, обнажая человеческую натуру, а потом уже не мог остановиться и находил «притворство» даже там, где его в принципе не могло быть. По-своему так же и Денис Гуцко постоянно пытается накрутить у себя в заметках волонтера «сложность». Особенно умиляют такого рода «искания» автора: «Они должны быть другими – какими-нибудь другими. Потому что – как такое возможно: мы с ними воюем – а они неотличимы от нас». Не будем поминать историю человечества и такой термин как «гражданская война», но может быть автору приходилось видеть, как «неотличимые» друг от друга соседи по лестничной клетке впиваются в глотку друг другу не хуже волков?

Далее в заметках мы встречаем немало нестыковок и огрехов, которые недопустимы в документальном жанре повествования. Так, например, автор, которому при слове «нацики» хочется спрятаться, как моллюску, в своей раковине, пишет на своей странице в соцсети: «Спасибо, суки, за такой русский мир».

И полный апофеоз – на его страницу заходит чиновница из областной администрации и «палится» под «расстрельным» постом дурашливым комментарием: «Это даже смешно, такой накал», – и смеющийся смайлик...

Заметки Дениса Гуцко ни в коем случае нельзя рассматривать как объективный слепок новейшей истории. Комментарии, типа – «Спасибо, суки, за такой русский мир» – в российских соцсетях действительно было немало, только, как правило, с фейковых страниц и с украинских аккаунтов. У российских же пользователей уже давно настроена «самоцензура». А уж таких легкомысленных чиновниц тем более не отыщется ни в областных, ни даже районных администрациях. Недостоверно до безобразия.

Дальше в лес – больше дров и дичее лоси:

« – Молодой человек, а прокладки где-нибудь можно получить?»

Женщина не стесняется, но я всё ещё не перешагну через условности – я по другую сторону. Ухожу в палатку, прошу Катю отнести ей прокладки».

В каком веке живёт Денис Гуцко и в какой стране? Получается, что от одной мысли попросить себе прокладки женщине должно стать стыдноватенько не меньше, чем автору от её непристойной просьбы. Да и вообще, чтобы не вгонять в краску кассиров-мужчин, которых в сетевых магазинах становится всё больше, современная российская женщина должна заказывать и оплачивать прокладки через приложение «Самокат». А потом, когда велорикша привезёт её заказ, положит свёрток на коврик, позвонит в дверь и убежит, сгорая от стыда, женщина высунется, как белка из дупла, молниеносно схватит прокладки и захлопнет дверь, пока соседи не стали свидетелями этого стыдобища.

Поразительная щепетильность от Дениса Гуцко. Нам думается, что если бы к нему обратился беженец-мужчина с просьбой о туалетной бумаге, то автор, поморщившись и зажав нос, попросил бы напарницу отнести этому пошляку и засранцу пару рулонов, чтобы тот подольше не беспокоил их подобными просьбами.

Интересно, а как автор покупает себе трусы? В несколько заходов, как краснодарские пацаны Славик и Димон из «Нашей Раши»? А может быть, пятидесятилетний ростовский мужик, решивший опроститься, совсем отказался от этого постыдного предмета туалета и ходит в одном плаще?

Далее авторская рефлексия начинает уже не на шутку нас тревожить: «Выгляжу я, видимо, плохо – в смысле, неприятно для глаз. Впахиваю, как робот: таскаю, раздаю, – а выгляжу –

тьфу». Волонтёр, видимо, буквально принял на веру постулат Энгельса, что труд сделал из обезьяны человека и оказался разочарован результатом.

Но говоря серьёзно, если мужчину во время работы беспокоит, как он выглядит, то ему явно не хватает тестостерона. Усиливается эта догадка, когда сначала в фокус его зрения попадают ядрёные чиновники с «яйцами вперёд», а за ними «суровые погранцы» с «автоматами мужественно свисающими от груди стволами вниз», к которым автору «хочется подойти и потискать».

Любят ли пограничники, когда их тискают волонтёры за свисающие стволы? Интерпретация подобного невербального поведения темна и запутана, как и авторский статус – «всё сложно».

По прибытию автора заметок на волонтёрский пункт, его сразу сцапал старший по кухне:

«- Юля! – кричит. – Можешь мне мальчика дать на пять минут?»

Мальчик – это я, очевидно.

Человек стоит в пяти метрах от меня, Юля же успела отойти далеко. Но обращается он к ней, а не ко мне.

– Мальчика одолжи».

Напомним, что Денису Гуцко на тот момент исполнился 51 год. Возраст «старшого» не указан, но учитывая его большую спину, скорее всего, они примерно ровесники. «Мальчику», с лёгкой руки товарища Бендера, Воробьянинову, как мы знаем, было 52 года. Но Ося и Киса столько всего пережили вместе. А вот один взрослый мужик всё же поостережётся назвать незнакомого ему мужика «мальчиком», может и в глаз прилететь. Затем старший по кухне, который демонстративно игнорировал правосубъектность нового волонтёра, оправдывается перед ним, когда нужно поднять и поставить бидон на плиту: «Я спинник. Мне нельзя».

«Неудачно разворачиваюсь к ветру лицом, и суп из обеих тарелок выдувает прямоком мне на куртку – бурным вермишелево-морковным фонтаном. Теперь и я сам, в жиру и налипших соринках, – человек хотя бы снаружи опростившийся». Вот где собака порылась. Не дышать было трудно человеку, которого эта беда никак не коснулась и не затронула, а «чего-то хотелось, не то конституции, не то севрюжины с хреном...», не то куртку изгваздать.

Мы можем представить «опрощение» сиятельного графа Толстого, самолично рубившего дрова в крестьянской рубахе, или отказавшегося от римского трона Диоклетина, уехавшего выращивать капусту, а вот к нашему современнику Денису Гуцко скорее применима другая формула: «Дворяне шли в народ, а мы назад – в дворяне».

И вот яркое подтверждение этому:

«Хочу я быть смешливым, как знакомая чиновница?

А простым народом? Который не замечает?

Нет, точно нет.

Было бы, конечно, проще. Но как там внутри должно быть устроено, без чего нужно остаться – чтобы стало настолько проще?»

А с чего это он вдруг решил, что представляет собой сложноорганизованную систему? Когда и где это началось: сразу после рождения в Тбилиси или при смене местожительства на Ростов-на-Дону? При получении специальности «Экология и прикладная геохимия» или после трёхкратного участия в Форуме молодых писателей России? И самое главное, до какой стадии опрощения готов дойти автор?

Улыбнул и вот такой фрагмент: «Вот что роднит меня с тем самым маленьким человеком, которого по косточке, под микроскопом разбирали на уроках русской литературы: фи́га в кармане – внятное, но негромкое, точно рассчитанное, чтобы и высказаться, и не попасться, «пошёл ты на..р»».

Когда писатель подобно Творцу, приводящему планету в порядок, пытается упорядочить хаос своих мыслей в голове, то ему не всегда удаётся с этим справиться. В голову лезет всякий вздор, причудливо и нелепо переплётаясь, как впечатления реальной жизни в наших снах.

Так, например, как нам представляется, когда автор решил окрестить «мальчиком» себя любимого пятидесятилетнего волонтера, раздающего супы и бутерброды беженцам, у него в голове, видимо, как пробка из шампанского, выстрелила знаменитая киношная фраза: «Мальчик, водочки нам принеси, мы домой летим». А когда Денису Гуцко захотелось рассказать о родстве с маленьким человеком с фигой в кармане – «пошёл ты на..р», то здесь ему вспомнились афоризмы армейской мудрости, которые он, наверное, как и все служившие в те времена, записывал в солдатский блокнот: «Здесь назовут тебя

«салагой», сотрут достоинство и честь, а ты в душе пошлешь всех на..р, а наяву ответишь: "Есть!"».

Отдадим справедливость, если основательно покопаться в этом подготовительном материале, среди массы необязательных и случайных фиксаций, обнаруживается действительно интересная художественная находка, достойная дневника писателя: «Голос сиплый, базарный. Голос-шкуродёр».

Но пора подводить итоги дня.

Конечно, это не один день молодого дворянина Александра Андреевича Чацкого, и не день простого русского солдата-зэка Ивана Денисовича, но «дольше века длится день» для участников заметок Дениса Гуцко...

И как же чужероден здесь сам автор со своим английским словечком, заимствованным из истории США в период освоения Дикого Запада, крайне неуместным в свете событий новейшей истории России, зримом и незримом натовском участии в конфликте. Некорректно и даже кощунственно звучат эти параллели, описывать народную трагедию и крупнейшую геополитическую катастрофу словами развлекательных шоу и вестернов.

Пять раз употребляет его в повествовании, смакуя:

«Фронтир – если принять картину мира, которую приняла и, несомненно, полюбила Алёна – фронтир противостояния с нациками», «обитатели тлеющего фронта земли», «При любом исходе – как волна на возвратной фазе, навоевавшийся фронтир прикатится, нахлынет на Ростов», «люди с фронта».

Элементы композиции просматриваются очень туманно и расплывчаты. Кульминация, как таковая отсутствует. После завершения волонтерской смены с автором не случилось ни катарсиса, ни «нравственного перелома». Он снова в исходной точке: «Как собрать воедино, как принять?»

Словно заново начиная поездку, он никак не закроет гештальт: как же уживается его напарница со своей сестрой «нациком». Подобными «сложными» вопросами задаётся и анекдотичный чукча: кто же красит редиску в красный цвет под землёй?

Из нравственных приобретений и утрат даже не сказать, чего больше: «Но теперь от вида расстрелянной машины у меня уже не перехватывает дыхание, как в начале дня». А в эпилоге авторская оценка событий смазана до полного бесчувствия:

«да, да, наверное, ко всему привыкаешь.

И к нацикам, наверное.

Что делать».

Побуждение помочь слабому, накормить голодного присуще любому мало-мальски развитому духовно человеку. И малая помощь иногда помогает выжить, придаёт силы, иногда даже спасает чью-то жизнь. Но раздавая бутерброды беженцам на пропускном пункте, или бросая горсть хлебных крошек в трескучий мороз озябшим воробьям, или покупая пакетик корма в Пятёрочке для бездомной кошки, предварять это спектаклем с пафосными восклицаниями: «трудно дышать. Усилие на вдох, усилие на выдох. Поэтому я здесь – чтобы дышать», по меньшей мере пошло.

И как же финал этого повествования сопрягается с заявленным выше градусом эмоционального накала?

А вот как: «очень даже хорошо, что пяточок моей эмпатии не распахнут на полмира. Что он такой, какой есть. Кем же надо быть, чтобы выжить – если болит абсолютно за всех? Святым, наверное. Мне не подходит».

Рушится вся эта криводушная конструкция, и дыхание у автора очень короткое. А если так было изначально, если эмпатия атрофирована, то и эмоции надуманные, и рациональное – от сих до сих – берёт верх.

Чем больше знакомишься с современной российской прозой, тем чаще приходит на ум сказка Вильгельма Гауфа «Холодное сердце». Как будто кто-то забрал у литераторов человеческие сердца и выдал им искусственные, поэтому и пишут они зачастую так противоестественно и отталкивающе.

*г. Белгород*